

*Посвящается Кэт,
которая всегда верила в меня больше,
чем я сама*

ПРОЛОГ

Все знают, что случилось с Винтерборнами. Однажды, двадцать лет назад, двое идеальных родителей вместе с пятью своими идеальными детьми сели на их идеальную яхту, чтобы провести день на воде.

Все знают, что двенадцать часов спустя на берег вернулся лишь один Винтерборн — в крови и синяках, хватающийся за дымящиеся обломки и потерявший все воспоминания о том совсем-не-идеальном дне.

Все знают, что после этого единственному выжившему Винтерборну прислуживали лучшие повара и гувернантки. Что он обучался у самых профессиональных наставников и носил самую элегантную одежду. Юный Винтерборн был очаровательным мальчиком, который унаследовал

сообразительность своей матери и добрые отцовские глаза.

Все знают, что юному наследнику Винтерборнов суждено было стать великим — он был рождён принцем и, несмотря на трагическое прошлое, непременно должен был стать королём.

Но однажды Габриэль Винтерборн просто ушёл, бросив свою идеальную жизнь, и больше не возвращался.

Никто не знал правды.

МУЗЕЙ

— **А** справа у нас юный Габриэль Винтерборн! Эйприл посмотрела направо, но там была лишь очередная картина. В зале, полном других картин, которые Эйприл совсем не впечатляли. Всё-таки холсты, покрытые маслом, нельзя было есть. Вернее, теоретически можно. Но Эйприл догадывалась, что этого делать не стоит. Ещё их можно было пустить на дрова. Или продать на главной улице пожилой женщине с длинными седыми косами и собакой, похожей на лисицу. Но гадать, сколько могли стоить подобные картины, было бессмысленно. Люди вроде Эйприл всё равно никогда не смогли бы их заполучить.

Но молодая женщина в бордовом пиджаке смотрела на картину так, словно в жизни не видела ничего прекраснее.

— Заметили, как Габриэль цепляется за руку своего отца? Эту картину написали, когда ему было десять лет — и это последний известный нам портрет семьи Винтерборнов. Через месяц после завершения картины вся семья погибла, и юный Габриэль стал сиротой. Можете такое представить? — спросила женщина-экскурсовод, но потом вспомнила, с кем разговаривает. Она оглядела зал, полный детей.

Кто-то из них бегал — чересчур быстро. Кто-то стоял — чересчур тихо. На всех была одежда не по размеру, и дети разглядывали картины так, словно прикидывали, сколько еды можно за них выменять. Но Леди-в-пиджаке только расправила плечи и заговорила громче, перекрикивая близнецов Джонсон, которые спорили, подмышки какого супергероя пахнут хуже всего.

Ведь они были в роскошном музее.

Это и так было их самое приличное поведение.

— Идите за мной, дети! Идите за мной!

Эйприл должна была признать, что музей очень красив. Лучше, чем детский дом. И чище, чем школа, в которую они ходили всего четыре дня в неделю, потому что приют не мог позволить себе возить детей автобусом на пятый. А это означало, что на пятый день им не доставалось бесплат-

Музей

ных обедов, что, в свою очередь, значило, что по пятницам Эйприл приходилось использовать всю свою изобретательность. Но это было даже к лучшему. Необходимость постоянно что-то придумывать держала Эйприл в тонусе. К тому же это было не навсегда. Как только вернётся мама, у неё всё будет хорошо.

Поэтому Эйприл решила просто наслаждаться светлыми, чистыми залами с блестящими деревянными полами и высокими окнами. Даже воздух здесь пах роскошно (несмотря на спор близнецов про подмышки). Музей находился недалеко от моря, и по нему в открытые окна врвался свежий бриз. Эйприл даже казалось, что утром вместо ржавого школьного автобуса она села на космический корабль, который перенёс её в совершенно другой мир.

Какое-то необъяснимое чувство заставило Эйприл обернуться, чтобы в последний раз взглянуть в глаза Винтерборнов цвета серебристой стали.

— Эй, Эйприл! — зашептала Тейлор-девочка. Тейлор-мальчик ушёл в другой конец зала, чтобы присоединиться к спору про подмышки. — Потрогай её. — Тейлор-девочка указала на картину и скрестила руки, пытаясь выглядеть круто. Но

у Эйприл было множество талантов; так уж вышло, что умение игнорировать глупые приказы было одним из них.

— Что-то не так? — спросила Кейтлин через «е».

— Или ты слишком трусливая? — вклинилась Кэйтлин через «э».

— Не-а, — ответила Эйприл. — Я слишком умная.

Не стоило этого говорить. Но такое случалось довольно часто — мысли Эйприл непроизвольно вырывались наружу. Это была одна из её слабостей, которая заставляла людей вроде Тейлор-девочки и Ке(э)йтлин ненавидеть её ещё сильнее, чем обычно. Но ведь в том, что Эйприл отличалась от них, не было её вины. Для неё приют был лишь временным пристанищем. За ней должна была вернуться мама — и это могло произойти в любой момент.

— Ты считаешь, что ты лучше нас, — сказала Тейлор-девочка, выпячивая нижнюю губу и просящая стоять со скрещёнными на груди руками. Это была «поза крутой девчонки», и Эйприл понимала, что должна быть напугана.

Но пугаться ей удавалось плохо.

— Нет, — сказала Эйприл, пытаясь выглядеть приветливо и мило. Когда она не улыбалась,

Музей

её лицо постоянно казалось сердитым, и девочка ничего не могла с этим поделать. А от фальшивых улыбок у неё начинала болеть голова. — Просто я знаю, что это. — Эйприл указала на маленький сенсор, выступавший из-за края картины. — Лазер, — прошептала она так, словно одно это слово всё объясняло. Но, судя по лицам девочек, те ничего не поняли. — Он отрежет палец любому, кто до него дотронется.

— Нет, не отрежет. — Голос Кейтлин через «е» звучал уверенно, но в глазах не было такой убеждённости.

— Конечно, отрежет. Лучи таких лазеров раскаляются до полутора тысяч градусов, чтобы сразу прижигать рану, потому что музей не хочет, чтобы всё вокруг заливало кровью.

— Ага, — сказала Тейлор-девочка. — Это правда. — Хотя это, конечно же, было неправдой. — Я это знала. — И она точно этого не знала.

Эйприл заставила себя улыбнуться:

— Я и не сомневалась. Наверное, охранников ты тоже заметила.

— Эм... охранника, — поправила Кэйтлин, похоже, тот не очень её впечатлял — девочка показывала это Эйприл всем своим видом.

Но Эйприл указала на другой конец зала.

— Ага. Здесь только один человек в униформе охранника. Но вон та уборщица моет в каждом зале, куда мы заходим, с того момента, как мы сюда пришли. И на ней такой же наушник, как на охранниках.

Эти слова были правдой. Эйприл не знала, как ей удаётся подмечать такие детали. И почему. Иногда она воображала, что это у неё от мамы, которая была всемирно известной похитительницей произведений искусства. Или шпионкой. Или автором ужастиков. Как бы то ни было, Эйприл считала, что наблюдательность досталась ей от природы. Её мамы слишком давно не было рядом, чтобы подобный талант был результатом воспитания.

Но это неважно.

Всё-таки мама за ней вернётся. Уже скоро.

— А может, она и не охранница, — сказала Тейлор-девочка. — Может, она мама Эйприл.

Все тут же вспомнили о негласной иерархии. Эйприл не была альфа-девочкой в этой стае сирот. И бетой тоже не была. На самом деле Эйприл вообще не принадлежала стае, и это её совершенно устраивало.

— Нет. Я думаю, что это мама Эйприл. — Кэйтлин указала на картину Пикассо с портретом жен-

щины, похожей на куклу Барби, которую кто-то сунул в микроволновку.

— Нет, — сказала Кейтлин, присоединяясь к игре. Она заметила картину с отрезанной головой горгоны Медузы, которую держал какой-то парень с мечом. — Вот мама Эйприл.

Все трое рассмеялись, словно это было очень остроумно, и Эйприл засмеялась вместе с ними. Ещё три приюта назад она усвоила, что так проще. Лучше фальшиво смеяться время от времени, чем фальшиво улыбаться всё время. Простая математика.

Тут женщина-экскурсовод заметила их и закричала:

— Девочки! Не отставайте!

Эйприл не поняла, когда — и почему — в музее стало так многолюдно. Это произошло внезапно, как по звонку, и в зале стало слишком тесно. Эйприл пришлось проталкиваться сквозь толпу людей, которые спешили в противоположном направлении. Девочка могла бы даже потеряться, если бы не видела экскурсовода. Та стояла в центре огромного главного зала и смотрела снизу вверх на мужчину, слишком высокого и слишком неподвижного, чтобы быть живым человеком. Он